Очевидное или невероятное

или Как нашли один кюри возле электростанции

В ходе подготовки очередного четвертого номера «Бюллетеня экологического состояния зоны отчуждения», издаваемого Администрацией зоны отчуждения, специалистами предприятия «РАМОН», Госкомгидромета и УДК НПО «Припять» при сравнении публикуемых таблиц был обнаружен нерадостный факт: оказывается, приборы АСКРО зарегистрировали увеличение мощности бета-излучения в районе ЧАЭС в среднем около 1 кюри на квадратный километр за год. Одни специалисты однозначно заявили, что это результат дополнительных выбросов Чернобыльской электрической станции. Другие, в том числе и представители ЧАЭС, этот вариант категорически отвергли.

Корреспондент «Вестника Чернобыля» встретился с авторитетным специалистом в сфере радиоэкологического наблюдения, давним автором газеты **Евгением Даниловичем Стукиным** и попросил прокомментировать зарегистрированный факт.

— Думаю, надо попытаться рассмотреть этот вопрос, во-первых, с такой позиции: может ли быть это связано с новыми выбросами атомной электростанции? На мой взгляд, нет. Тем более в таких количествах, как показывают таблицы, т. е. прибавка к плотности загрязнения в один кюри на кв. км в год. Атомные электростанции, подобные Чернобыльской, работают в России и Литве многие годы на таком фоне, который не сопоставишь с фоном вокруг Чернобыльской станции, т. е. практически чистым. Например, возле Игналинской станции, где реакторы РБМК-1500 мощнее чернобыльских, и очень хорошо, пристально налажен дозиметрический контроль, вокруг станции не замечено никакого повышения значимого уровня загрязнения. И возле такой же станции, которая находится у всех на слуху, как Ленинградская АЭС, не зафиксировано подобных выбросов. На тех станциях это давно было бы отмечено и, безусловно, давно было бы известно через прессу, поскольку такой факт просто невозможно скрыть, даже если очень хотелось бы. Так что на вопрос: «Может такое быть или не может?», мой ответ таков, что скорее всего этого не может быть. Теперь посмотрим с официальных точек зрения. Вот передо мной справка, о среднесуточных выбросах Чернобыльской АЭС за период 1987 — 1989 годов в кюри в сутки, подписанная тогдашним директором Чернобыльской станции. М. П Уманцем. Эта справка была составлена, судя по дате на ней, за несколько дней до приезда в Чернобыль Михаила Сергеевича Горбачева. И в этой справке даны среднесуточные выбросы в кюри за 87-88-89 гг. Так вот, если посмотреть на эту справку по величинам, которые здесь приведены, (а у меня нет основания ей не верить, она весьма разумная, а самое главное для специалиста — это на скидку пытаться уловить всегда разумные цифры), то и тогда выбросы были значительно ниже допустимых.

Но вы скажете, приборы ведь зафиксировали факт увеличения радиоактивного загрязнения... Но я предполагаю, что это не факт, а скорее, как говорят в таких случаях ученые, антифакт, т. е. искусственный факт. Причем причина этого явления не в специальной подтасовке таблиц или цифр, а, скорее всего, в изменении методик измерения или, например, просто в улучшении и усовершенствовании аппаратуры. На результаты любых измерений существенно влияют любые перемены людей, занимающихся этим делом. Давно замечено, что на одной и той же аппаратуре, по одной и той же методике другой человек обязательно получит другой результат. Это так же убедительно, как если бы вы по методике своей мамы или жены варили борщ, а все равно он получится другим.

— Евгений Данилович, ваши аргументы и убедительны и образны, и все вроде бы выглядит логично. Что касается второй части вашего ответа по поводу методики и психологии измерения, но все-таки, возвратимся к станции. Вы ссылаетесь на примеры подобных станций в России, Литве и говорите, что никакие выбросы там не зафиксированы, а там, дескать, это сделать легче, но вы не говорите о том, что на тех станциях ведь нет разрушенного блока с «саркофагом». В «саркофаге» есть дыры и все время говорилось и в печати, и представителями общественности, что из этих дыр возможно выдувание полевых частиц и распространение их. Это как может влиять на обстановку вокруг ЧАЭС!

— Ну, я могу с легкостью ответить на этот вопрос вот почему. В зиму 1986 — 1987 годов и в зиму с 87 на 88 год я был руководителем программы «Почва» и руководителем программы «Снег», в которых участвовали все специалисты, работавшие по этим направлениям в зоне. Так вот если бы это было связано именно с объектом «Укрытие», то выбросы либо сдувание радиоактивности с крыш, еще тогда не очищенных, были бы захвачены покровом снега, отобранного вокруг станции. И этих проб было отобрано сотни, если не тысячи, и были получены результаты, которые показали, что величины распространения загрязнения с крыши третьего блока были крайне невелики. Частично это было связано с тем, что продолжалось стряхивание радиоактивных веществ с листвы и хвои растительности, но эти величины были малы. Их надо было уловить и их можно было уловить только за счет высокой чувствительности той аппаратуры, с которой мы работали. Поэтому, если поднять те результаты (и, в принципе это, безусловно, можно сделать), то можно доказать, что таким добавкам загрязнения взяться неоткуда, а тогда это был измеримый и закономерный факт, который убедительно доказывает, что уже если тогда этого не было, то откуда взяться этому сейчас, когда все загрязнения на крышах фиксированы, а выбросов значимых из труб станции не зарегистрировано.

Конечно, крайне интересно было бы посмотреть, каковы перспективы каких-либо аварийных выбросов из объектов «Укрытия» в случае возможных аварийных ситуаций различного типа: землетрясение, обрушение кровли. Вот меня, например, очень беспокоит вариант воздействия смерча на «саркофаг». Известно, что смерч весьма характерен для севера Киевской области. И на моей памяти это явление было дважды: летом 86-го года и 3 — 4 года назад, когда смерч избороздил ближнюю зону Чернобыльской станции. Мне кажется, что если случится достаточно мощный смерч, то не только «Укрытию» не устоять, и смерч будет действовать, как мощный пылесос, поскольку смерч — это мощная разряженная внутри система, которая вытаскивает воздух со всей пылью наверх, ну и, естественно, образуется облако. До сих пор этому вопросу не дана качественная оценка.

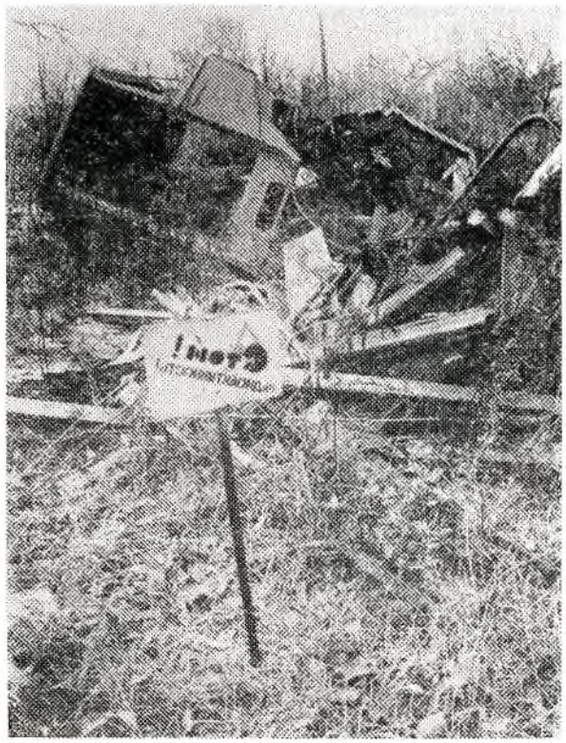
— Евгений Данилович; мы встречаемся в дни 9-й годовщины Чернобыльской катастрофы, и вы только последний год занимаетесь другими делами, не связанными напрямую с Чернобыльской зоной. Прежние восемь лет вы здесь работали целенаправленно и постоянно. И был многим известен случай, когда вы с какой-то целью купались в пруду-охладителе. Зачем вы это делали! И в связи с этим, вообще ваше мнение по поводу водной части зоны: каково ее сегодня состояние и возможна судьба в дальнейшем!

— Приехав еще в первые дни мая, сразу после аварии, я ездил каждый день в Киев и обратно. Ездили мы на машинах, которые выделило правительство Украины, вместе с Ю. А. Израэлем. И находясь в Киеве, я купался в Днепре. Почему купался? Потому что уровни радиоактивности не соответствовали тому уровню, который вы получаете принимая лечебные радоновые ванны. Это много раз меньше, в сотни раз меньше. Главное что я не пил тогда воду из Днепра, а купаться вполне можно. Затем, перейдя на постоянное место жительства в городе Чернобыле, я пробовал искупаться в Припяти. Когда я впервые искупался, то вышел из речки весь покрытый нефтью, как негр черный. После этого я стал купаться в Южной части пруда-охладителя возле ЧАЭС. Когда я купался в Южной части пруда-охладителя, то в самом худшем случае принимал кратковременные радоновые ванны, потому что там был не очень высокий уровень загрязнения, очень чистая кристальная вода с примесью нерадиоактивных веществ, я бы сказал курортные условия для купания.

— А вот что касается того воздействия, ради чего принимаются радоновые ванны, т. е. чтобы рассасывались соли, проходил остеохондроз и т. п. Вот в этом направлении вы чувствовали улучшение или какие-то изменения в вашем самочувствии!

(Окончание следует).

Информация о собеседнике

Евгений Данилович Стукин в 1969 году закончил с отличием факультет экспериментальной и теоретической ядерной физики МИФИ, работал в Институте прикладной биофизики, где контролировал выбросы от ядерных взрывов, проводимых на территории бывшего СССР и зарубежных стран. Около 10 лет занимался вопросами загрязнения атмосферы нерадиоактивными веществами и воздействием этого загрязнения на человека.

С 1986 года — в Чернобыле, в качестве руководителя оперативной группы Госкомгидромета. В настоящее время — сотрудник Института глобального климата и экологии Росгидромета и РАН, занимается вопросами восстановления доз облучения, полученных населением бывшего СССР от воздействия ядерных взрывов, проводимых на территории Советского Союза с августа 1949 года.